Е. И. Самородницкая [ab]
https://orcid.org/0000-0003-1334-6150
✉ *ksam@inbox.ru*
[a] *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*
[b] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*

«Дэвид Копперфилд» сокращенный: трансформации романа в русских переводах

Аннотация. Несмотря на то что русская переводческая рецепция творчества Ч. Диккенса и его романа «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» уже становилась объектом исследования, анализ адаптированных для детского чтения переводов романа пока еще далек от полноты и системности. В статье предпринимается попытка сопоставления трех переводов романа, выполненных Е. Г. Бекетовой, М. И. Ловцовой и А. А. Бекетовой, опубликованных в первой половине XX в. и адресованных детской аудитории. Если Е. Г. и А. А. Бекетовы придерживаются принципов точности и стремятся сохранить и авторский юмор, и специфику характеров, то купюры в переводе Ловцовой приводят к упрощению образов центральных персонажей романа, и в результате остается абрис романа, адаптированный и урезанный пересказ. Буквальный переводы обеих Бекетовых оказываются ближе к поэтике Диккенса, не сводимой исключительно к авантюрному роману в мелодраматическом духе.

Ключевые слова: Ч. Диккенс, «Дэвид Копперфилд», перевод, английская литература, викторианский роман, Е. Г. Бекетова, А. А. Бекетова, М. И. Ловцова

Для цитирования: *Самородницкая Е. И.* «Дэвид Копперфилд» сокращенный: трансформации романа в русских переводах // Шаги/Steps. Т. 10. № 4. 2024. С. 118–131.

Поступило 7 июня 2024 г.; принято 5 октября 2024 г.

© Е. И. САМОРОДНИЦКАЯ

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-118-131

E. I. Samorodnitskaya [ab]
https://orcid.org/0000-0003-1334-6150
✉ *ksam@inbox.ru*
[a] *Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*
[b] *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

David Copperfield abridged: Transformations of the novel in Russian translations

Abstract. Despite the fact that the Russian reception of Charles Dickens and translations of his novel *The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger of Blunderstone Rookery (Which He Never Meant to be Published on any Account)* has already become an object of research, analysis of translations of the novel adapted for children's reading is still far from being complete and systematic. The article attempts to compare three translations of the novel by E. G. Beketova, M. I. Lovtsova and A. A. Beketova, published in the first half of the twentieth century and addressed to a children's audience. While E. G. and A. A. Beketova adhere to the principles of literalism and strive to preserve both the author's humor and the specificity of the characters, the cuts in Lovtsova's translation cause a simplification of the images of the novel's central characters, and the result is an outline of the novel, an adapted and truncated retelling. The translator ignores wordplay, episodes and plot lines that complicate the characters' images, the mention of David's unborn sister existing in Betsy Trotwood's imagination and fitting the old lady into Dickens' gallery of sensible cranks. A young reader may find such a text easier to cope with, but it is hardly interesting. Both Beketovas' translations are closer to Dickens' poetics, which cannot be reduced exclusively to an adventure novel in a melodramatic spirit.

Keywords: Ch. Dickens, *David Copperfield*, translation, English literature, Victorian novel, E. G. Beketova, A. A. Beketova, M. I. Lovtsova

To cite this article: Samorodnitskaya, E. I. (2024). *David Copperfield* abridged: Transformations of the novel in Russian translations. *Shagi / Steps*, *10*(4), 118–131. (In Russian).

Received June 7, 2024; accepted October 5, 2024

© E. I. SAMORODNITSKAYA

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-118-131

Роману Ч. Диккенса, полное название которого в оригинале звучит как «The Personal History of David Copperfield» (1849–1850), повезло с русскими переводами. В максимально полной библиографии, составленной Ю. В. Фридлендер и И. М. Катарским, насчитывается 26 полных переводов романа и 13 сокращенных [Фридлендер, Катарский 1962: 87]. К числу самых известных относятся переводы А. Кривцовой и Евг. Ланна, вошедший в 30-томник Диккенса (1952), и И. Введенского, впервые опубликованный в 1851 г. в «Отечественных записках» и неоднократно переиздававшийся.

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть несколько не самых известных переводов романа, предназначенных для юношества и предположительно сокращенных, хотя и не радикальным образом. Так, переложения романа, выполненные Л. Шелгуновой (объемом 103 страницы), А. Сердобольским (48 страниц) [Диккенс 1890; Сердобольский 1905] или Л. Л. Видоном[1], скорее можно отнести к жанру перевода-пересказа и рассматривать преимущественно в аспекте формирования представления о сюжете романа Диккенса, но не с точки зрения сопоставления переводов. Обратимся к переводам М. И. Ловцовой «Детские годы Давида Копперфильда: из романа Чарльза Диккенса» (журнал «Юный читатель», 1903, № 7; републ. 1924), А. Бекетовой (1939) и Е. Бекетовой (первая известная атрибутированная публикация 1953 г.). Проанализировав данные переводы, мы, возможно, сможем ответить на вопрос, какой в них складывается образ романа и связан ли характер купюр и трансформаций в переводах с ориентацией на детскую аудиторию.

Проблему русской переводческой рецепции Диккенса трудно назвать малоизученной: среди наиболее фундаментальных работ прошлого века необходимо назвать монографию И. М. Катарского «Диккенс в России», где в числе прочего рассматривается как критическая, так и переводческая рецепция творчества Диккенса [Катарский 1966]; из современных исследований отметим методологически значимую диссертацию М. В. Костионовой [2015] о формировании литературной репутации Диккенса в свете переводов. Наконец, совсем недавно вышла статья А. А. Егоровой о детских адаптациях интересующего нас романа, где наряду с подробнейшим обзором разного рода переводов были допущены досадные неточности. В отношении перевода Е. Бекетовой, опубликованного в 1953 г., автор статьи высказывает предположение, что перевод мог быть дореволюционным, но рассматривает его в контексте советской переводческой традиции и нормы, а перевод А. Бекетовой атрибутирует Александре Андреевне Бекетовой, так как других предположений относительно того, кто такая А. Бекетова, автор не рассматривает[2]. Между тем Елизавета Бекетова —

[1] Это даже не перевод-пересказ романа, а перевод-пересказ двух сюжетов [Диккенс 1914a; 1914b].

[2] «Согласно карточке каталога Российской национальной библиотеки его автором является Александра Андреевна Бекетова (1860–1923). Тем не менее, поскольку других подтверждений, что за инициалом “А.” скрывается именно эта переводчица, обнаружено не было, а текст опубликован в “Детиздате” через шестнадцать лет после

это Елизавета Григорьевна Бекетова (1834–1902), известная переводчица, участница женской переводческой артели и жена Андрея Николаевича Бекетова, ученого, профессора и ректора Санкт-Петербургского университета. Диккенса она и в самом деле переводила до революции, и интересующий нас роман мог быть переведен для издательства Г. Ф. Пантелеева, хотя опубликованный при ее жизни перевод нам обнаружить не удалось. О том, что она работала над этим переводом, мы знаем из шахматовской хроники [Бекетова 1982: 663]; информацию подтверждает статья А. В. Лаврова о Е. Г. Бекетовой в словаре «Русские писатели» [Лавров 1992: 203]. Что же касается А. Бекетовой, то это все же не Александра Андреевна, в первом браке Блок, во втором Кублицкая-Пиоттух — именно под этой фамилией публиковались ее переводы с французского языка. С большой долей вероятности перевод принадлежал перу Александры Александровны Бекетовой (1873–1942), в девичестве Гельцель, вдовы племянника А. Н. Бекетова, Николая Николаевича, уже в зрелом возрасте благодаря помощи М. Горького ставшей переводчицей[3]. Так что перевод А. Бекетовой выполнен не до революции, а в 1930-е годы, но по своим принципам и структуре он соотносим не столько с контекстом 1930-х годов [Егорова 2023: 315], сколько с литературными и переводческими традициями бекетовского семейства и «плеяды равнодушных ремесленников», как называл когда-то Чуковский женскую переводческую артель, — традициями, которые в общем виде можно охарактеризовать как близкие к буквализму.

Если в переводах Бекетовых роман сокращен очень незначительно, то у Ловцовой ситуация иная: переводчица в предисловии поясняет, что сосредоточивает внимание только на детских годах персонажа:

> В этой книжке мы расскажем нашим читателям только про детские годы Давида Копперфильда. ‹...› Мы надеемся, что их заинтересует дальнейшая судьба «маленького Дэви» и что они пожелают узнать, что из него вышло, как он пробил себе дорогу в жизни. Ответ на все эти вопросы они получат, если прочтут впоследствии весь роман Диккенса [Диккенс 1903: 4].

Повествование у Ловцовой завершается в момент, когда Дэвид Копперфилд остается жить с бабушкой, а отвратительный Мердстон и его сестра с позором изгнаны из дома Бетси Тротвуд. (Собственно, детство героя на этом не заканчивается, но, по-видимому, переводчице важно подвести юного читателя к счастливой развязке.) Ловцова сокращает объем переводимого текста, но только ли объем?

ее смерти, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что она — автор данного перевода» [Егорова 2023: 311–312].

[3] Подробнее о трагической судьбе А. А. Бекетовой см.: [Брагина, Васильева 2005: 95–97].

Рассмотрим характер купюр в переводах. У обеих Бекетовых сокращения в переводах носят незначительный характер: у Е. Г. Бекетовой они минимальны, у А. А. Бекетовой их существенно меньше, чем у Ловцовой. Справедливости ради приведем обратный пример — финал гл. 14 (табл. 1). Здесь А. А. Бекетова ограничивается одной фразой, Е. Г. Бекетова придерживается максимальной точности, тогда как Ловцова, с одной стороны, опускает упоминание о чудаках, Бетси Тротвуд и мистере Дике (мотив чудачества в данном переводе сведен к минимуму, об этом речь пойдет далее), а с другой стороны — дополняет текст распространенной заключительной фразой, так как это финал ее перевода.

Таблица 1 / Table 1

Оригинал (далее — A)	**Пер. М. Ловцовой (далее — B)**	**Пер. А. Бекетовой (далее — C)**	**Пер. Е. Бекетовой (далее — D)**
Thus I began my new life, in a new name, and with everything new about me. Now that the state of doubt was over, I felt, for many days, like one in a dream. I never thought that I had a curious couple of guardians, in my aunt and Mr. Dick. I never thought of anything about myself, distinctly [Dickens n. d.].	Таким образом я вступил в свою новую жизнь с новым именем и при новой обстановке. Судьба моя была решена; в этом уже не могло быть никаких сомнений, но я все-таки после этого знаменательного дня бродил как бы во сне, не веря тому, что все кончилось так благополучно. Яснее всего я сознавал, что словно завеса опустилась между мною и моим прошлым со всеми его радостями и страданиями, и что я стою на рубеже новой жизни [Диккенс 1903: 144].	Так начал я новую жизнь, с новым именем, среди совершенно новой для меня обстановки [Диккенс 1939: 227].	Так начал я новую жизнь, с новым именем, среди совершенно новой для меня обстановки. Теперь, когда сомнения мои разрешились и жизнь моя вошла в новую колею, я все еще некоторое время бродил как во сне. Мне никогда не приходило в голову, что бабушка и мистер Дик — довольно странные опекуны. Не думал я также о своей будущности, все казалось мне каким-то туманным [Диккенс 1953: 223].

Обе Бекетовы сохраняют и оригинальное членение на главы. В целом их версия романа укладывается в предложенную в диссертации М. В. Костионовой гипотезу о трансформации принципов перевода Диккенса к концу XIX в. от доместикации и вольности Введенского к большей формальной точности[4]. С другой стороны, версия Ловцовой в эту гипотезу не укладывается.

[4] «Переводы “Пиквика”, выполненные в 1894–1899 гг. (в период спада непосредственной актуальности Диккенса для русской литературы) В. Л. Ранцовым, М. А. Шишмаревой и анонимным переводчиком издательства А. С. Суворина, были ориентированы на повышение формальной точности и баланс между авторской индивидуальностью и нормами литературного письма; они отразили и закрепили за Диккенсом репутацию классика — эстетического и нравственного образца, принадлежащего, однако, литературному прошлому» [Костионова 2015: 9].

На мелочах, ошибках и неточностях останавливаться не будем: есть вещи, которые в равной степени не удались всем переводчицам (см. табл. 2)[5].

Таблица 2 / Table 2

	A	B	C	D
1	I was not considered as being formally received into the school, however, until J. Steerforth arrived. Before this boy, who *was reputed to be a great scholar*, and was very good-looking, and at least half-a-dozen years my senior, *I was carried as before a magistrate* [Dickens n. d.].	Наконец, вскоре прибыл и последний из отсутствовавших воспитанников, Стирфорт, который *слыл за очень прилежного ученика*; он был по крайней мере на шесть лет старше меня. Меня подвели к нему и представили как *какому-нибудь судье, или вершителю судеб в нашем училище* [Диккенс 1903: 59].	Все-таки до приезда ученика Стирфорта товарищи как бы еще не считали меня окончательно принятым в их среду. Этот Стирфорт *пользовался репутацией* великого ученого, был очень красив собой и по крайней мере лет на шесть старше меня. *Меня привели к нему, словно к какому-то важному должностному лицу* [Диккенс 1939: 92].	Однако до приезда Стирфорта товарищи как бы еще не считали меня окончательно принятым в их среду. Этот Стирфорт, слывший великим *ученым*, был очень красив собой и по крайней мере лет на шесть старше меня. *Меня привели к нему, словно к какому-то важному судье* [Диккенс 1953: 92].
2	I *am sent away* from home [Dickens n. d.].	Меня *изгоняют* из дома [Диккенс 1903: 37].	Я *изгнан* из родительского дома [Диккенс 1939: 68].	Меня *удаляют* из родительского дома [Диккенс 1953: 70].

Словосочетание «a great scholar» в оригинале подразумевает восхищение юного Дэвида и некоторую долю иронии рассказчика, рассматривающего ситуацию ретроспективно, с позиции более ясного знания людей. А. Бекетова предлагает кальку; «прилежный ученик» у Ловцовой — точный перевод, в котором, однако, теряется авторская ирония; вариант «слывший великим ученым» у Е. Бекетовой передает как отношение юного Копперфилда к Стирфорту, так и ироническую модальность рассказчика. Второй выделенный фрагмент в примере 1 (табл. 2) иллюстрирует, на наш взгляд, сразу несколько вещей: Ловцова переводит *magistrate* описательно и предлагает синонимический ряд, которого нет в оригинале, а переводчицы Бекетовы предлагают более буквальный вариант. Но при сопоставлении переводов Е. и А. Бекетовых нельзя не заметить многочисленные дословные совпадения (см. табл. 2, пример 1, курсив); приведенный нами случай далеко не единственный. Можно предположить, что поскольку вне зависимости от дат публикаций (1939 и 1953 гг. соответственно) перевод Е. Бекетовой более ранний, он мог быть известен А. Бекетовой и она могла пользоваться им при работе над собственным переводом, заимствуя у старшей родственницы целые

[5] Здесь и далее в примерах выделены курсивом переводческие решения либо расхождения с текстом оригинала, а также соответствующий фрагмент оригинала.

фрагменты текста. Это пока лишь гипотеза, но дословных совпадений и в самом деле немало.

Другой пример — название главы 5 (табл. 2, пример 2): Ловцова и А. Бекетова усиливают семантику насильственного удаления мальчика из дома, употребляя формы одного и того же глагола; в то время как в оригинале название главы звучит несколько менее драматично. Эту сдержанность удалось передать Е. Бекетовой.

Подобных примеров немало.

Сопоставление переводов Ловцовой и Бекетовых, на первый взгляд, вписывается в давно замеченную тенденцию стремления новой советской школы перевода к точности в противовес предшествующей дореволюционной традиции. Понятие *буквализм*, о значении которого по-прежнему спорят ученые, не сразу приобретает негативные коннотации [Борисенко 2017: 132–141]; однако, как известно, именно при издании собрания сочинений Диккенса столкновение буквалистов и их оппонентов, сторонников «вольного» или «реалистического» перевода (и то и другое — термины еще в меньшей степени, нежели *буквализм* [Там же: 138–139]), становится наиболее очевидным и идеологически окрашенным. Об этом чрезвычайно резко пишет Чуковский («К сожалению, в этом тридцатитомном издании “Пиквик”, “Оливер Твист”, “Николас Никльби”, “Копперфильд” и “Домби” — наиболее характерные произведения Диккенса — переведены буквалистами А. В. Кривцовой и Евг. Ланном, что привело к умалению и замутнению писательского облика Диккенса» [Чуковский 2012: 85]); так же сравнивает «Дэвида Копперфилда» в переводах Введенского и Бутузова Катарский[6]. Перевод Ловцовой, таким образом, возможно отнести к дореволюционной школе, а переводы Бекетовых — к направлению, стремившемуся к точности или буквализму. Второе, сразу же отметим, требует целого ряда оговорок: и потому, что перевод А. Бекетовой скорее сопоставим с переводом Е. Бекетовой, т. е. не с нормами и контекстом эпохи, а со своим непосредственным предшественником (о чем уже говорилось выше), и потому, что перевод (и в целом известные нам переводы) Е. Бекетовой опережает свое время и в своем стремлении к точности сопоставим с трудами советских буквалистов. (Изрядное количество прямых совпадений в переводах «Дэвида Копперфилда», выполненных А. Бекетовой, Кривцовой и Ланном, заслуживает отдельного исследования.)

На наш взгляд, существенно другое. Сопоставление переводов Бекетовых и Ловцовой приводит к неожиданному результату: педантичные Бекетовы стремились сохранить игру слов, юмор и в итоге интонацию писателя, в то время как вольные и описательные варианты Ловцовой не дают подобного представления об оригинальном тексте. Несколько примеров см. в табл. 3.

---

[6] «Формально перевод Бутузова едва ли не безукоризненно верен, лишнего в нем ничего нет, и в сравнении с ним наглядно видны и многословие Введенского, и его склонность к домыслам, фантазии, но вместе с тем и безусловное превосходство Введенского в передаче эмоциональной настроенности повествования, в большей естественности самого течения русской фразы» [Катарский 1966: 273].

Таблица 3 / Table 3

	A	B	C	D
1	I had been reading to Peggotty about crocodiles. ‹...› “Now let me hear some more about the *Crorkindills*,” said Peggotty, who was not quite right in the name yet, “for I an’t heard half enough” [Dickens n. d.].	Я громко читал ей про крокодилов. ‹...› — Ну, теперь, Дэви, почитайка мне еще что-нибудь *о твоих крокодилах или как их там называют*, — просила Пеготи, не вполне еще справлявшаяся с этим названием [Диккенс 1903: 11].	Я читал ей о крокодилах. ‹...› — Теперь почитайте-ка мне еще об этих самых *крокиндилах*, — говорит Пиготти, до сих пор не одолевшая слова «крокодил». — Признаться, я не все о них разобрала [Диккенс 1939: 22].	— А теперь почитайка мне еще об этих *крокиндилах*, — говорит Пеготти, еще не совсем одолевшая это слово. — Признаться, я не все о них разобрала [Диккенс 1953: 28].
2	You will find us rough, but you’ll find us ready [Dickens n. d.].	Вам покажется, что мы грубоватые люди, но зато мы готовы вам служить, насколько только можем [Диккенс 1903: 17].	Вы найдете нас неотесанными, но вам мы всегда будем рады [Диккенс 1939: 36].	Вы, пожалуй, найдете нас грубоватыми, сэр, но мы народ радушный [Диккенс 1953: 40].

В первом случае А. Бекетова стремится сохранить неправильность речи Пеготти; во втором — хотя бы грамматическую структуру фразы при невозможности сохранить аллитерацию. Ловцова передает трудное для Пеготти слово «крокодилы» описательно; то же происходит и во втором случае, и потому мистер Пеготти изъясняется книжно и длинно. Ближе всех к синтаксису оригинала в примере 2 (табл. 3) подошла Е. Бекетова: в ее варианте сохраняется структура, при которой местоимению *мы* соответствует прилагательное в качестве сказуемого; переводчица сокращает количество глаголов, за счет чего фраза выглядит легче.

Однако «Дэвид Копперфилд» Ловцовой — это не просто укороченная или местами неточно переведенная версия романа, но и версия сокращенная. Рассмотрим, что именно переводчица выпускает.

Прежде всего в переводе Ловцовой практически отсутствует глава 1, «I am born». Глава называется «Раннее детство», в которой собственно от первой главы оригинала осталась пара абзацев: упоминается место рождения героя и смерть его отца, говорится о Бетси Тротвуд и очень кратко излагается история ее визита в усадьбу Копперфилдов «Грачи» в день рождения Дэвида [Диккенс 1903: 5–6]. Опущен диалог Бетси Тротвуд с матерью Дэвида, с доктором Чиллипом, мелочи и детали (такие, как шляпка старой леди). Фабула в целом сохранена, но образы персонажей — юной, ничего не умеющей вдовы и чрезвычайно, гротескно эксцентричной, но здравомыслящей тетки, которые имеют очень большое значение в дальнейшем развитии сюжета — сведены к пунктирному рисунку.

В главе 4 (оригинальное название «I fall unto disgrace», во всех переводах «Я впадаю в немилость») Ловцова опускает эпизод, где мать Дэвида пытается отстоять свои права на ведение хозяйства, и сразу же переходит

к описанию уроков. Не вдаваясь в детали, отметим, что сцена типичного урока переведена Ловцовой вполне точно; однако опуская вышеупомянутый эпизод, переводчица, с одной стороны, фокусирует читательское внимание исключительно на истории детства, а с другой — отсекает элементы, из которых складывается и это детство, и характер героя. (Строго говоря, и для Диккенса важна именно история детства, однако переводчица эту историю как будто спрямляет.)

Интересно, что и Ловцова, и А. Бекетова при передаче рассуждений о детстве и воспитании сокращают размышления о книгах, прежде всего речь об описании библиотеки Дэвида Копперфилда-старшего и книг, которые читал там Дэвид (см. табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

B	**C**
Мой отец оставил после себя небольшую библиотеку, которая хранилась в комнате по соседству с моей, куда никто не входил. Из этой комнаты являлась ко мне целая рать славных героев из бессмертных творений знаменитых писателей. Я зачитывался ими. Меня самого удивляет теперь, как я успевал так много читать среди моих задач и ежедневных уроков. Однако, я не только с жадностью читал эти книги, но даже целыми днями воображал себя одним из моих излюбленных героев и находил в этом единственное свое развлечение [Диккенс 1903: 30–31].	После моего отца осталась небольшая библиотека, помещавшаяся наверху, в маленькой комнате, рядом с моей. Я имел в это помещение свободный доступ, и никто в доме, кроме меня, туда не заглядывал. Книги эти были моим единственным постоянным утешением. *Когда я думаю об этом, мне рисуется летний вечер; деревенские мальчики играют на кладбище, а я сижу на своей кроватке и с головой ушел в чтение, — так, как будто от этого зависит вся моя жизнь. Каждый соседний амбар, каждый камень в церкви, каждая пядь земли на кладбище, помню, имели в моих глазах какую-то связь с тем, что я читал в книгах, и напоминали мне какую-нибудь местность, описанную в них* [Диккенс 1939: 61].

Ловцова обходится без примеров имен и заглавий, так что чтение юного героя выглядит максимально неконкретным занятием. А. Бекетова переводит этот пассаж чуть подробнее, не углубляясь в детали, но все же сохраняя возникающие у Дэвида параллели между литературой и действительностью (см. выделение курсивом). Е. Бекетова опускает очень небольшой по объему фрагмент, в котором Дэвид сравнивает себя с различными литературными героями. Таким образом, переводчица не сохраняет все богатство ассоциаций, но хотя бы воспроизводит значимый для становления персонажа литературный ряд:

> Из этой-то благословенной комнатки выходили утешать меня в моем одиночестве Родерик Рендом, Перегрин Пикль, Дон Кихот, Жиль Блаз, Робинзон Крузо и многие другие. Эта славная плеяда, да еще «Тысяча и одна ночь», «Волшебные сказки» и несколько книг о путешествиях не давали угаснуть моему вообра-

> жению и моей надежде на лучшую жизнь где-то в далеком будущем [Диккенс 1953: 63–64].

Представляется, что и Ловцова, и А. Бекетова, одна в большей степени, другая в меньшей, сокращают разговор о чтении героя как отвлекающий от основного действия, хотя в контексте рассматриваемых глав как раз существенно, что память и кругозор помогают Дэвиду подружиться со Стирфортом. Как существенно и ослепляющее героя восхищение и неспособность трезво оценивать своего приятеля. В этом смысле очень важен эпизод противостояния Стирфорта с учителем Меллем, который заканчивается увольнением последнего; в переводе Ловцовой этот эпизод отсутствует. Ее Дэвид Копперфилд не ошибается в людях.

Можно было бы подвести итог и сделать вывод, что купюры в переводе Ловцовой всегда касаются эпизодов и ситуаций, связанных со становлением героя и отвлекающих от развития действия, однако есть еще один любопытный момент, связанный с Бетси Тротвуд. Ловцова, в отличии от Бекетовых, минимизирует чудачества героини и не упоминает о сестре Дэвида, Бетси Тротвуд-младшей.

И в разговорах Бетси Тротвуд о Дэвиде Копперфилде, и в разговорах с ним самим постоянно присутствует девочка, появления которой Бетси так безуспешно ждала, — хорошая, даже идеальная девочка, виртуальный двойник реального мальчика. Постоянная апелляция к несуществующей девочке добавляет Бетси чудаковатой гротескности и создает причудливую рамку для ее трезвых во всем остальном суждений (например, в объяснении с Мердстонами). (Рамка словно напоминает гоголевскую фразу «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется».) Переводчицы Бекетовы сохраняют упоминание о сестре Дэвида (на дословных совпадениях двух переводов останавливаться не будем, см. табл. 5). В переводе Ловцовой эта черта героини отсутствует, в силу чего сама Бетси Тротвуд выглядит несколько иначе — строгой старой леди, слегка странной, но не более того. Подобную купюру, на наш взгляд, можно объяснить как стремлением к упрощению ради юношеской аудитории, так и представлением о Диккенсе как о писателе-реалисте, характерном для русской рецепции середины — второй половины XIX в. Впрочем, в обоих случая это пример упрощения Диккенса, исходя из сложившихся представлений о нем у той или иной аудитории.

Таким образом, у Бекетовых получился слегка (в очень незначительной степени) упрощенный Диккенс: у А. Бекетовой — несколько более сокращенный, у Е. Бекетовой — сокращенный в минимальной степени. Переводчица максимально бережно обращается с оригиналом, сохраняя как важнейшие особенности поэтики Диккенса, так и многообразие культурного контекста, значимого для литературной генеалогии героя. В целом вполне можно согласиться с ее внуком, который писал: «Некоторые из ее многочисленных переводов остаются и до сих пор лучшими» [Блок 1963: 9]. В переводе А. Бекетовой мы видим купюры, касающиеся потенциально сложных для детской аудитории

Таблица 5 / Table 5

A	B	C	D
‘Yes,’ pursued my aunt, ‘and he has done a pretty piece of business. He has run away. *Ah! His sister, Betsey Trotwood, never would have run away.’ My aunt shook her head firmly, confident in the character and behaviour of the girl who never was born.* *‘Oh! you think she wouldn’t have run away?’ said Mr. Dick.* *‘Bless and save the man,’ exclaimed my aunt, sharply, ‘how he talks! Don’t I know she wouldn’t? She would have lived with her god-mother, and we should have been devoted to one another. Where, in the name of wonder, should his sister, Betsey Trotwood, have run from, or to?’* ‘Nowhere,’ said Mr. Dick [Dickens n. d.].	— Да; это его сын, — подтвердила тетушка, — и я именно хочу с вами посоветоваться вот по какому поводу: он самовольно пустился в бегство из своего местожительства и пришел сюда ко мне под мою защиту. А теперь я у вас спрашиваю, что мне с ним делать? [Диккенс 1903: 119–120].	— Да, — подтвердила бабушка. — И выкинул он ловкую штучку: взял, да и убежал. *Конечно, его сестра Бетси Тротвуд никогда не убежала бы.* *Тут бабушка энергично тряхнула головой, очевидно твердо уверенная и в характере, и в прекрасном поведении никогда не рождавшейся на свет девочки.* *— А-а! Так вы думаете, что она не убежала бы? — спросил мистер Дик.* *— Господь с вами! — с возмущением воскликнула бабушка. — Что только вы несете! Да разве может быть даже малейшее сомнение в этом? Она жила бы со своей крестной, и жили бы мы с ней душа в душу. Ну, скажите ради бога, куда и к кому могла бы сбежать его сестра Бетси Тротвуд?* — Никуда, — согласился мистер Дик [Диккенс 1939: 202–203].	— Да, — подтвердила бабушка. — И выкинул же он штуку, нечего сказать: взял да и убежал! *Конечно, его сестра Бетси Тротвуд никогда бы не убежала.* *Тут бабушка решительно тряхнула головой, очевидно твердо уверенная в характере и поведении не родившейся на свет девочки.* *— А-а! Так вы думаете, что она не убежала бы? — спросил мистер Дик.* *— Господь с вами! — с возмущением воскликнула бабушка. — Что за глупый вопрос! Она жила бы со своей крестной, и жили бы мы с ней душа в душу. Да и к кому, ради создателя, могла бы сбежать его сестра Бетси Тротвуд? К кому и куда?* — Никуда, — согласился мистер Дик [Диккенс 1953: 200–202].

реалий, но в целом переводчица скорее, вслед за Е. Бекетовой, придерживается принципа точности и не редактирует радикальным образом ни сюжет, ни персонажей, ни стилистику писателя. В переводе Ловцовой мы читаем о приключениях бедного сироты. Разумеется, и оригинальная история — это история бедного сироты порой в весьма мелодраматическом духе, однако в романе Диккенса есть место и иронии, и юмору, и гротеску, многомерности образов и даже реалистически-психологическим элементам. Всего этого у Ловцовой нет: переводчица не просто вольно обращается с оригиналом, то дополняя его, то сокра-

щая; она упрощает и уплощает образы центральных персонажей романа, таких как Дэвид, Бетси Тротвуд, Пегготти, и в результате остается абрис романа, адаптированный и урезанный пересказ. Если гипотетический юный читатель впервые знакомился с романом Диккенса в подобном переводе, трудно представить, что серьезная версия Ловцовой смогла бы его увлечь.

Источники

Бекетова 1982 — *Бекетова М. А.* Шахматово. Семейная хроника / Вступ. ст. и публ. С. С. Лесневского, З. Г. Минц // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3 / [Ред. И. С. Зильберштейн, Л. Н. Розенблюм]. М.: Наука, 1982. С. 635–787.

Блок 1963 — *Блок А. А.* Автобиография // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. Т. 7: Мемуары. Записки. Дневники. Интервью. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1963. С. 7–16.

Диккенс 1903 — Детские годы Давида Копперфильда: Из романа Чарльза Диккенса / Пер. с англ. М. Ловцовой. СПб.: Тип. Альтшуллера, 1903. (= Юный читатель. 1903. № 7).

Диккенс 1914a — *Диккенс Ч.* Давид и Эмилия // Юные жизни: Рассказы Чарльза Диккенса / В обраб. для юных читателей Л. Л. Видона. СПб.; М.: Изд. Т-ва М. О. Вольф, 1914. С. 1–43.

Диккенс 1914b — *Диккенс Ч.* Стирфорс и Траддельс // Юные жизни: Рассказы Чарльза Диккенса / В обраб. для юных читателей Л. Л. Видона. СПб.; М.: Изд. Т-ва М. О. Вольф, 1914. С. 248–264.

Диккенс 1953 — *Диккенс Ч.* Давид Копперфилд / Под ред. Е. Шишмаревой; Сокр. пер. с англ. Е. Бекетовой. М.; Л.: Гос. изд-во Дет. лит., 1953.

Диккенс 1939 — *Диккенс Ч.* Давид Копперфильд / Пер. с англ. А. Бекетовой. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Дет. лит., 1939.

Диккенс 1890 — *Диккенс Ч.* Давид Копперфильд. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1890. (Иллюстрир. романы Ч. Диккенса в сокр. пер. Л. Шелгуновой).

Сердобольский 1905 — *Сердобольский А.* Приключения десятилетнего мальчика. Переделано из романа Ч. Диккенса «Давид Копперфильд младший». М.: Изд. М. В. Клюкина, 1905. (Добрые души: Чтение для детей и для народа).

Dickens n. d. — *Dickens Ch.* David Copperfield // Project Guttenberg. [N. d.]. URL: https://www.gutenberg.org/files/766/766-h/766-h.htm.

Литература

Борисенко 2017 — *Борисенко А. Л.* Буквализм в художественном переводе: ошибка, эксперимент, метод? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017. № 5. С. 132–142.

Брагина, Васильева 2005 — *Брагина Т., Васильева Н.* Путешествие по дворянским именим Крыма: Краткий исторический путеводитель. Симферополь: Доля, 2005.

Егорова 2023 — *Егорова А.* Детские адаптации романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд» на русском языке // Детские чтения. Т. 23. № 1. 2023. С. 299–331.

Катарский 1966 — *Катарский И. М.* Диккенс в России: Середина XIX в. М.: Наука, 1966.

Костионова 2015 — *Костионова М. В.* Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Дик-

кенса «Записки Пиквикского клуба»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2015.

Лавров 1992 — *Лавров А. В.* Бекетова Елизавета Григорьевна // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь / Редкол.: П. А. Николаев (гл. ред.) и др. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1992. С. 203–204.

Фридленд, Катарский 1962 — Чарльз Диккенс: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1838–1960) / Сост. Ю. В. Фридлендер, И. М. Катарский. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962.

Чуковский 2012 — *Чуковский К. И.* Высокое искусство // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 3 / Сост. Е. Чуковской, П. Крючкова. 2-е изд., электрон., испр. и доп. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 5–372.

References

Borisenko, A. L. (2017). Bukvalizm v khudozhestvennom perevode: oshibka, eksperiment, metod? [Literalism in fiction translation: error, experiment, method?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 9: Filologiia, 2017*(5), 132–142. (In Russian).

Bragina, T., & Vasil'eva, N. (2005). *Puteshestvie po dvorianskim imeniiam Kryma: Kratkii istoricheskii putevoditel'* [Travelling through the noble estates of the Crimea: A brief historical guide]. Dolia. (In Russian).

Chukovskii, K. I. (2012) *Vysokoe iskusstvo* [The noble art]. In K. I. Chukovskii. *Sobranie sochinenii* (E. Chukovskaia, & P. Kriuchkov, Eds., 2nd ed., rev. and exp., 15 Vols., Vol. 3, pp. 5–372). Agentstvo FTM, Ltd. (In Russian).

Egorova, A. (2023). Detskie adaptatsii romana Charl'za Dikkensa "Devid Kopperfil'd" na russkom iazyke [Children's adaptations of Charles Dickens' novel *David Copperfield* in Russian]. *Detskie chteniia, 23*(1), 299–331. (In Russian).

Fridlender, Iu. V., & Katarskii, I. M. (Eds.). *Charl'z Dikkens: Bibliografiia russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom iazyke (1838–1960)* [Charles Dickens: Bibliography of Russian translations and critical literature in Russian (1838–1960)]. Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty. (In Russian).

Katarskii, I. M. (1966). *Dikkens v Rossii: Seredina XIX v.* [Dickens in Russia: Mid-19th century]. Nauka. (In Russian).

Kostionova, M. V. (2015). *Literaturnaia reputatsiia pisatelia v Rossii: perevod kak otrazhenie i faktor formirovaniia (russkie perevody romana Ch. Dikkensa "Zapiski Pikvikskogo kluba")* [Literary reputation of a writer in Russia: Translation as a reflection and shaping factor (Russian translations of Dickens' novel *The Posthumous Papers of the Pickwick Club*)] (Cand. Sci. (Philology) Thesis, Lomonosov Moscow State University). (In Russian).

Lavrov, A. V. (1992). Beketova Elizaveta Grigor'evna. In P. A. Nikolaev et al. (Eds.) *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* (Vol. 1, pp. 203–204). Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Екатерина Ильинична Самородницкая
кандидат филологических наук
доцент, заведующая кафедрой истории русской классической литературы, историко-филологический факультет, Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6
заведующая кафедрой истории и теории литературы, историко-филологический факультет, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82
✉ *ksam@inbox.ru*

Information about the author

Ekaterina I. Samorodnitskaya
Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Chair, Department of History of Russian Classical Literature, Faculty of History and Philology, Russian State University for the Humanities
Russia, 125047, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Chair, Department of Literary History and Theory, Faculty of History and Philology, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82
✉ *ksam@inbox.ru*